

Когда они ложились спать той ночью, он слышал, как Кит ворочается в своей постели над ним. Он уже заметил, что в умении сдерживать негативные эмоции она не уступала ни одному ведьмаку. По крайней мере, до тех пор, пока за ней кто-то наблюдал. Теперь, когда она была одна и, вероятно, не знала о ясновидении здания, стало очевидно, что она совсем не смирилась с ситуацией. Да и как она могла быть спокойна? Геральт восхищался ею - она не обладала никакими особыми способностями, скорее всего, не знала, как устроен этот мир, и все же не отчаивалась. Он не мог представить себе никого другого, кто бы так хорошо воспринял происходящее. Что бы случилось, когда она полностью осознала, в каком затруднительном положении оказалась? Она все еще верила, что все это игра, но фасад уже рушился. Геральт не знал, что нужно сделать, чтобы убедить ее, но что-то должно произойти, он был в этом уверен.

Все изменилось гораздо раньше, чем он ожидал.

Несколько дней спустя во время завтрака в столовую ворвался крестьянин и прервал их. На соседнем винограднике чудовище напало на работника, который, хотя и был легко ранен, сумел заманить тварь в гнилой сарай, где она теперь бесчинствовала. Срочно требовался ведьмак, пока не пострадали люди, так как он был уверен, что старое строение не сможет долго сдерживать чудовище.

Геральт бросился за мечом, а Кит попросил остаться на месте и ждать его возвращения. Женщины в жизни Геральта всегда были довольно упрямы, и, как оказалось, Кит не стала исключением.

"Ты не можешь идти со мной, это очень опасно!" - сказал он более агрессивно, чем собирался.

"Но я должен! Какой смысл в этих приключениях, если я пропущу самое интересное? Или ты боишься, что это разрушит иллюзию, когда я увижу, что настоящего монстра нет?" - ответила она с широкой ухмылкой на лице, уже сидя на спине Роуча. Один только факт того, что она сидела на лошади, не держа поводья, сказал ему, что сопротивление бесполезно. Он выругался, вскочил в седло сразу за Кит и выхватил поводья из-под ее руки. Может быть, эта глупая женщина хотя бы пожалеет, что поехала с ним, когда испытает, насколько неровной может быть езда на полном скаку, сварливо подумал он.

Роуч нес их быстро, и им не потребовалось много времени, чтобы добраться до места назначения. Геральт еще издали услышал яростные крики и рев, как он догадался, упыря. Он быстро нашел старый сарай, спрыгнул с него и подошел к трясущейся хижине. По команде Геральта раненый работник убрал палку от метлы, служившую замком для двери, а затем отбежал на безопасное расстояние. Как только Геральт вошел, от дурного запаха он сморщил нос, а упырь закричал и бросился на него. Геральт уклонился от него на волосок, крутанулся с мечом в руке и сумел нанести ему один удар в бок. К сожалению, нанесенная им рана оказалась недостаточно глубокой, чтобы остановить упыря, но скорее заставила его броситься в открытую дверь. Геральт быстро догнал его, когда тот развернулся у входа в сарай для новой атаки. Геральт снова уклонился от острых когтей, крутанулся на месте и нанес удар. Обычно он целился в артерии или жизненно важные органы, но с упырями это было проблематично, так как они были устроены таким образом, что до любой из этих частей было трудно добраться, если вы не лежали под монстром. А если вы случайно оказывались там, то, скорее всего, уже были мертвы.

Геральт двигался быстро и использовал ускорение очередного пируэта, чтобы нанести новый удар. Упырь завыл от злости, но еще не был готов сдаться. Он шипел и прыгал, а Геральт уклонялся с легкостью и изяществом, снова и снова. Еще один прыжок, еще одно вращение, еще один удар. Однако на этот раз его нога приземлилась на пол под небольшим углом, что

вызвало старую рану: Горячая боль пронзила ступню и колено и на долю секунды лишила ногу подвижности. Из-за боли он не успел вовремя увернуться от следующей атаки, и ему пришлось столкнуться с упырем лоб в лоб. Когда чудовище обнажило перед ведьмаком нижнюю часть тела, готовясь к последнему, смертельному прыжку, Геральт пронзил его мечом прямо в сердце. К сожалению, как бы протестуя против своей гибели от рук ведьмака, чудовище размахнулось и впилося когтями в правое плечо Геральта, после чего безжизненно рухнуло на землю. Геральт выронил меч и попытался немедленно зажать рану обеими руками, шипя от боли. Но кровь все равно начала просачиваться сквозь его руки. Хотя это была не смертельная рана и не самая страшная из тех, что ему когда-либо наносили, она была болезненной, и потеря такого количества крови была нелегкой, даже для ведьмака.

"Геральт!" Голос Кит был пронзительным от паники. Она скакала рядом с ним и упала со спины Роуча.

"В левой седельной сумке есть коричневый тигель. Возьми его, быстро!" - проинструктировал он ее. "Теперь открой его, достань половину полной ладони и приложи к ране, как только я уберу руки. Ты поняла?" Она кивнула. Ее пульс показывал, что она вот-вот потеряет сознание, но, как всегда, она не выглядела так. Ее руки немного дрожали, а микро движения глаз были немного более дикими, чем обычно, но в остальном ей удавалось сохранять спокойствие.

Геральт отпустил руку, и Кит взгромоздила темно-коричневую лепешку на его плечо, все ее тело вдруг слегка задрожало. Жгло так же сильно, как и при первом ударе когтями, но он знал, что боль скоро утихнет. Эта паста, содержащая, помимо всего прочего, мандрагору, была подарком Региса. Старый летучий мыш изредка навещался сюда и регулярно знакомил Геральта то с одним, то с другим медицинским открытием, которое он сделал. По известным только Регису причинам его любимым компонентом - от лекарств до алкоголя - была мандрагора.

Эта паста должна была помочь крови быстро свернуться и одновременно продезинфицировать рану. Несмотря на то, что раны были глубокими, они не требовали наложения швов, а срастались без посторонней помощи. Все благодаря "чудо-грязи" Региса, как любил называть ее Геральт.

"Геральт, - едва слышно произнесла Кит, - с тобой все будет в порядке?" Она еще не плакала, но он видел, как заблестели ее голубые глаза. Ее руки все еще давили на рану. Геральт осторожно убрал их своей неповрежденной левой.

"Все в порядке, теперь можешь отпустить". Он даже улыбнулся, пытаясь успокоить ее.

Он схватился левой рукой за рукоять меча, правая рука бесполезно болталась рядом. Мышца была повреждена, он оценил, что пройдет некоторое время, прежде чем она заживет как следует. С чавкающим звуком, заставившим Кита дернуться, он вынул меч из отвратительно пахнущей туши.

"Теперь ты мне веришь?" - спросил он, безуспешно пытаясь спрятать меч, испачканный черной липкой жидкостью, в седельные сумки, используя только одну руку. Он проклинал себя за то, что не надел хотя бы легкие доспехи. На это потребовалось бы время, которого у него не было, поскольку он прекрасно знал, что случилось бы, если бы он опоздал. Учитывая положение вещей, он предпочел бы, чтобы его тело пострадало, чем его репутация и, как следствие, Корво Бьянко. Геральт-ведьмак всегда умел уходить от неудачной работы. Но у Геральта-землевладельца такой возможности не было.

Кроме того, один монстр был для него детской забавой. А вот надежность его колена была совсем другим делом. За последние несколько месяцев оно не доставляло ему особых хлопот, и он не обращал внимания на эту свою незначительную немощь и не позволял ей влиять на его рассудок.

Кит, которая до этого момента все еще стояла на коленях на земле, поднялась, взяла меч из его руки и спрятала его в чехол под седлом, где он и должен был находиться. Теперь ее руки дрожали немного меньше.

Она посмотрела на него, ее лицо было полно беспокойства. "Это правда. Все реально. Это... чудовище. Это невозможно подделать. Черт, я даже чувствую запах железа в твоей крови... Это всегда так?"

Геральт не был уверен, что она имела в виду. "Обычно я более изящен и не получаю таких ударов". Он с трудом взобрался на Роуча. "Мне действительно нужна ванна, пойдём".

"Ты уверен, что с тобой все в порядке? Ты уходишь от этого, как будто тебя только поцарапали. Как такое возможно?" Она покачала головой в недоумении.

"В основном мутации, немного опыта помогает. А теперь пойдём, пока адреналин не выветрился". И боль ударит меня, как еще одна орда упырей, - мысленно закончил он фразу.

Кит уставилась на него в полном замешательстве, очевидно, все еще пытаясь осмыслить то, что только что произошло. Казалось, она даже не осознавала, что ее руки покрыты грязью и кровью.

Достигнув Корво Бьянко, Геральт приказал первой попавшейся служанке набрать ванну, пока Кит помогала ему ухаживать за Роучем.

"Ты не хочешь присесть? Я могу сделать это сам. Я знаю, как чистить лошадь".

Прежде чем Геральт успел ответить, Кит уже взял щетку из его рук и продолжил: "Боже, я не понимаю, как ты еще стоишь. Почему кажется, что я потрясен больше, чем ты?"

Геральт прислонился к шее Роуча, обняв лошадь своей неповрежденной рукой. По крайней мере, он надеялся, что все выглядело именно так. Он чувствовал слабость и держался за Роуча, чтобы укрепить себя. Он отказывался садиться, так как не был уверен, что сможет самостоятельно подняться.

"У колдунов более высокая терпимость к боли. Мы заживаем лучше и быстрее, чем обычные люди. И, как я уже сказал, я много раз проходил через это и даже хуже. Все не так уж плохо". Это была ложь, но не было смысла расстраивать ее. Плачущая, истеричная женщина - последнее, что ему было нужно. Он использовал свое мнимое отсутствие эмоций и изо всех сил старался не показать, как ему больно. Тем не менее, он не мог сдержать дрожь. Одним из побочных эффектов формулы Региса был холод, который начал пробираться по всему его телу. Геральт знал это слишком хорошо, и ему это ни капли не нравилось. Это было до жути похоже на ощущение, которое он испытывал, проходя через магический портал. Но холод означал, что он действует, что все уже начало заживать.

Именно Барнабас-Базиль сообщил им, что ванна готова. Мажордом, как обычно, был невозмутим, несмотря на растрепанный вид своего хозяина. Он знал, что делать, и уже приготовил бинты и различные мази, чтобы наложить их после того, как Геральт вымоется.

Они вернулись в дом. В алькове рядом со столовой стояла большая деревянная бадья. Раньше в этом алькове стоял еще один обеденный стол, но из-за любви Геральта к купанию он был отделен перегородкой и превратился в постоянную ванну.

Геральт начал оценивать ущерб, глядя на свое бледное отражение в зеркале. Правая сторона его шеи, лицо и волосы тоже были залиты кровью. Удаление полусохшей крови с волос всегда было таким хлопотным делом. Пора бы и бороду подстричь, подумал он, внимательно изучая вид усталого человека в зеркале.

"Знаешь что, я присяду вон там, - Кит указал на неопределенное место за перегородкой, - и почитаю книгу. Дай мне знать, если тебе понадобится помощь... или еще что-нибудь".

Геральт только хмыкнул, потому что боялся, что испустит какой-нибудь нечестивый крик, если откроет рот, пытаясь содрать с тела пропитанные кровью лоскуты рубашки. Он бросил остатки одежды на пол и бросил Игни нагревать воду в ванне.

Он осторожно опустился в воду, стараясь не погрузиться слишком глубоко. Он хотел, чтобы формула Региса продержалась еще мгновение. Вода приятно согрела его, и он начал расслабляться, насколько позволяла боль.

Геральт дал себе немного времени, прежде чем схватить кусок мыла с маленького столика рядом с ванной. Используя правую руку как можно меньше, он попытался создать мыльную пену, но мыло не захотело сотрудничать и выскочило из его руки, ударившись о пол с мягким, влажным стуком. Геральт застонал, раздраженный тем, что мыло выбрало именно этот момент, чтобы проявить гражданское неповиновение.

Кит осторожно просунула голову за перегородку комнаты. "Нужна помощь?" Он мог видеть ее все еще обеспокоенное лицо в зеркале на стене перед собой.

"Не сможешь ли ты мне вымыть волосы? Это немного сложно с одной рукой". Просить о помощи было не то, что он обычно делал, но он уже смирился с тем, что его рука будет практически бесполезной в течение нескольких дней.

Кит на мгновение замешкалась, но потом встала и взяла непокорный кусок мыла. Немного осмотревшись, Кит выбрала стул, похожий на доильный, и поставила его позади Геральта. Она окунула мыло в воду и растёрла его между ладонями, а затем нанесла пену на волосы Геральта. Геральт внимательно следил за каждым ее движением в зеркале, пока ее нежные пальцы впервые не коснулись его кожи головы, и в его мозгу на мгновение произошло короткое замыкание. Геральт закрыл глаза и отдался черноте, чувствуя, как его тело понемногу расслабляется под ее прикосновениями.

Кит круговыми движениями провела пальцами по его голове, втирая мыло в корни волос с нужным усилием. Геральту потребовалось все его силы, чтобы не издать стон удовольствия. Он чувствовал такое тепло и расслабление, какого не знал прежде. Ему казалось, что его тело тает, и он с трудом удерживался от того, чтобы не погрузиться в воду еще глубже. Казалось, что боли никогда не существовало. Все, что было, - это удовольствие, расслабление и странное, но приятное покалывание везде, где она прикасалась к нему. Он чувствовал невероятную легкость, словно ничто и никогда больше не сможет утянуть его на дно.

Он хотел было запротестовать, когда ее руки оставили его, чтобы взять маленькую деревянную миску, которую она наполнила водой, чтобы ополоснуть его волосы. Однако он успокоился, когда одна рука вернулась и закрыла его глаза от воды, пока она осторожно выливала содержимое миски ему на голову.

Она снова распределила мыло по его голове - засохшая кровь была непростой, он знал это и в кои-то веки был благодарен, что ее так трудно удалить. Она массировала и растирала его осторожно, но решительно, распространяясь на уши и шею. Нервная энергия пронзила Геральта, и на этот раз ему не хватило самообладания, чтобы подавить стон. Кит немедленно убрала руки.

"Мне так жаль, я сделала тебе больно?" Ее потрясенное лицо отразилось в зеркале.

"Нет, ты не ушиблась, не волнуйся", - хриплым голосом ответил Геральт, изо всех сил стараясь притвориться, что все еще контролирует свое тело. Его левая рука нащупала грязную корку на другом плече. "Думаю, теперь все пройдет. Все должно быть хорошо". Кит кивнула, и наконец ее руки возобновили свою работу. Он прикусил губу, когда она потеряла чувствительное место за его ухом, и вздрогнул, когда она добралась до основания его черепа. Он не мог вспомнить ни одного случая в своей жизни, когда бы с ним так обращались. Женские ласки всегда были для него чистым блаженством, но это было что-то новое. Ничто не могло сравниться по интенсивности с тем, что он испытывал в этот момент. Его много раз били и сшивали. Его неоднократно мыли, прежде чем позволить ему предстать перед тем, кто захочет нанять его. Он платил женщинам, чтобы они ложились с ним. И он, хотя и редко, испытывал любовь. Но ничего подобного он никогда не испытывал. Руки Кита излучали тепло, которое распространялось по всему его телу. Нервы, казалось, перегружались от удовольствия, когда она с изящным нажимом впивалась кончиками пальцев в его кожу. Геральту хотелось, чтобы она никогда не останавливалась.

Понемногу и, по его мнению, слишком быстро, она счищала корку, в которую превратилась формула Региса. Он чувствовал, как она осторожно удаляет ногтем кусочки, а затем промывает место водой. Снова и снова, пока не осталось ничего, что можно было бы удалить.

"Что бы это ни было, я впечатлен. Выглядит так, будто вы почти не поцарапались. Вообще-то..." Она сделала паузу. Геральт увидел, как она опустила голову и подробно осмотрела его плечо. "Наверное, я устал или что-то в этом роде. Похоже, рана заживает прямо на глазах". Она яростно моргнула. "Я клянусь. Я вижу, как она заживает. Это нормально для вашего вида? Ты сказал, что исцеляешься быстрее, но это впечатляет!" Ее пальцы гладили его влажную кожу от шеи до плеча и обратно, нащупывая мышцы шеи. И только тогда Геральт понял, что ему, собственно, больше не больно. Он сел прямо и вытянул шею, чтобы осмотреть свое плечо. Краем глаза он видел, что... там ничего не было. Внезапно его чувства, ранее притупленные и приглушенные в ванне, вернулись к нему. Быстрым движением он выскочил из ванны, чтобы осмотреть свою рану в зеркале. Или, скорее, его отсутствие.

Были видны только три тонких отметины, едва заметные царапины. И, как и сказал Кит, они, казалось, исчезли прямо у него на глазах. Нет, это было ненормально, даже для ведьмака. Даже для ведьмака, имеющего доступ к гениальным продуктам Реджиса. Он мог двигать рукой свободно и без боли. Однако это исцеление произошло, оно было не просто поверхностным. Геральт задался вопросом, возможно ли, что Регис скорректировал формулу, чтобы сделать ее еще более эффективной, но забыл сообщить ведьмаку об этом изменении. Ему придется спросить, когда самый вежливый вампир на континенте снова посетит его, подумал Геральт.

Он повернулся, чтобы дать Кит ответ, но заметил, что она снова спряталась за ширмой. Учитывая, что, как он понял, он все еще был голым и наполовину возбужденным, возможно, так будет лучше.

Смущенный, он вернулся в свою любимую ванну и понял, что теперь в ней совсем не так удобно, как несколько минут назад. Он снова вылез из ванны и обернул полотенце вокруг

тали. Кто-то собирался забрать его грязную одежду, постирать и починить ее. Он понятия не имел, кто это сделал, но, как правило, через несколько дней они волшебным образом появлялись в его спальне. Туссент действовал своими загадочными способами.

Он прочистил горло, когда вышел из алькова, и посмотрел на Кит, которая напряженно смотрела на книгу в своих руках, ее щеки слегка покраснели.

"Вы всегда читаете книги вверх ногами, откуда вы родом?" - спросил он с кривой улыбкой. После того, как боль прошла, его настроение стало намного лучше.

"Да, всегда". ответила она. "Это для более искушенных из нас. Тех, кто признает общественные условности и не прыгает голым перед незнакомцами". Ее щеки стали немного розовее.

"Я прошу прощения за это. Но просто для протокола, - Геральт почувствовал, что ему причитается немного нахальства, - есть женщины, которые позавидовали бы тебе в этом".

Она подняла голову и посмотрела на него, явно готовая бросить какое-то замечание, но ее взгляд застрял на полпути, и она закрыла рот. Геральт слишком хорошо знал этот взгляд. Это всегда была вариация одного и того же букета эмоций - шок, ужас или отвращение. Он был весь в шрамах, и не все из них зажили хорошо. Радость по поводу его спонтанного исцеления была почти забыта.

Грустные голубые глаза нашли его. "Ты никогда не думал о том, чтобы больше не быть ведьмаком? Я думаю, это бы здорово увеличило продолжительность твоей жизни". Она пыталась шутить, но голос выдал ее.

"Вообще-то, задумывался. Я, наверное, уже раз десять отрекался от своей профессии. Но что я могу поделать? Оно всегда находит меня".

"Тебе нужно лучше прятаться".

"Может быть, это судьба. Оно всегда находило меня". Он пожал плечами.

Кит продолжала смотреть на него, в ее глазах стояли слезы. Наверное, она считает меня совершенно отвратительным, подумал Геральт.

"Я сожалею о том, что тебе пришлось пережить. Мне действительно жаль". По ее щеке скатилась одна слезинка.

Геральт был удивлен и не знал, что сказать. Он не мог припомнить ни одного момента в своей жизни, когда незнакомый человек проявил бы к нему столько сочувствия. Но, возможно, они уже не были незнакомцами. Они много говорили о своей жизни, хотя он был уверен, что она имеет о нем такое же неполное представление, как и он о ней и ее мире.

За это короткое время он почувствовал себя гораздо ближе к ней, чем следовало бы. Теперь ему было страшно, что он потерял ее, оттолкнул от себя уродливыми следами своей профессии.

Кит встала. Она была заметно потрясена. Геральт заметил, что она не слишком хорошо воспринимает происходящее.

"Прости, мне нужно..." Она не закончила фразу, а прошла мимо него, уклонившись, когда он попытался протянуть к ней руку в попытке утешить. Она даже не взглянула на него, когда выскочила за дверь.

До конца дня они не разговаривали. Геральт наблюдал, как Кит ходила кругами вокруг Корво Бьянко, иногда стояла у конюшни или сидела на соломе рядом с Роучем. Иногда она куда-то исчезала. Вернулась она только к вечеру, и Геральт не пытался к ней подойти. То, что она так отталкивала его истинный облик, сильно огорчало его и заставляло думать, что вряд ли он сможет хоть чем-то утешить ее. Однако он не стал обижаться на нее. Для нее это было хуже, чем для него, напомнил он себе.

Марлин приложила немало усилий, чтобы приготовить блюда к ужину, как она всегда делала, когда ей сообщали, что у Геральта был тяжелый день. Кит, однако, почти ничего не ела и вообще не разговаривала.

Она извинилась и легла спать. В эту ночь Геральт слышал, как она плачет и всхлипывает. Ему хотелось подняться наверх и утешить ее, но он не знал, как это сделать.

Уже далеко за полночь он услышал легкие шаги, спускающиеся по лестнице. Мгновение спустя дверь наружу открылась и снова закрылась.

На одно ужасное мгновение Геральту показалось, что она, наконец, убежит. Он был ей отвратителен, как и она ему, его шрамам и его природе. Но тут он услышал ее непрерывное сопение. Через несколько минут сопение перешло в икоту.

Он не мог больше слушать и встал с кровати.

<http://tl.rulate.ru/book/69781/1863438>